

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.19>

УДК 81'22
ББК 81.0

Дата поступления статьи: 10.04.2016

Дата принятия статьи: 27.04.2016

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ СЛОВА

Владимир Михайлович Алпатов

Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН,
директор Института языкознания Российской академии наук
v-alpatov@ivran.ru
Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье освещаются лингвистические теории слова в истории языкознания и в наши дни. В европейской традиции слово всегда было центральной единицей языка, не требовавшей определения и принимаемой как данность на основе языковой интуиции человека; такой подход может быть назван словоцентрическим. С конца XIX в. начались попытки выяснить, какие явления в структуре языка связаны с понятием слова; следовательно, появились многочисленные и разнохарактерные определения этой языковой единицы. В статье анализируются разные типы представленных в лингвистической литературе дефиниций слова на основе его фонетических, морфологических, синтаксических и графических признаков и их иерархии, предлагавшиеся для языков разного строя (русский, романо-германские, японский). Охарактеризованы комплексные определения слова по сумме его признаков, среди которых выделяются приоритетные, определения по какому-либо одному признаку, а также определения, где слово расщепляется на несколько единиц. Слово рассматривается как лексическая единица, как член предложения, как морфологическое слово, как графическое слово и др. Все эти определения в той или иной мере не совпадают с традиционно выделяемым множеством слов, чаще всего они не объясняют центральную роль слова, ощущаемую носителями языка. Это наводит на мысль о том, что слово не является единицей структуры языка; это прежде всего единица языка, хранимая в человеческом мозге и играющая центральную роль в порождении речи. Эта роль слова подтверждается данными афазии и детской речи.

Ключевые слова: слово, словоформа, определение, лингвистическая традиция, грамматический признак, лексико-семантический признак, разноструктурные языки.

ву единица существовала и в других лингвистических традициях, не всегда совпадая с европейским словом по своим границам. Слово с античной эпохи было первичной единицей анализа; предложение определялось через слово, а значимые единицы меньшей протяженности, как и единицы, промежуточные между словом и предложением, не выделялись вообще [5, с. 24, 61–62; 40, р. 283]. В Новое время анализ усложнился за счет добавления новых единиц, прежде всего корня и аффикса (с XVI в.); с конца XIX в. корень и аффикс были обобщены в понятии морфемы. Однако и в дальнейшем грамматический анализ начинается с описания слов, остальные единицы либо отсутствовали, либо появлялись на дальнейших этапах. Такой подход может быть назван словоцентрическим [1]. Его суть охарактеризовал, например, А.И. Смирницкий: «Слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово... Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже самого слова, словосочетания же, как правило, ... уже выходят за пределы словарного состава языка» [28, с. 11]. Слово в этом случае рассматривается не только как главное понятие грамматики, но и главное понятие языкознания вообще: язык – «совокупность способов выражения мысли при помощи слов» [18, стб. 143].

На грани XIX и XX вв. в языкознании получили распространение принципиально иные подходы к выделению единиц языка, которые можно назвать несловоцентрическими. Эти подходы могут существенно различаться между собой, однако общая их черта – отказ от представления о слове как исходной и заранее очевидной единице анализа. По-разному, но выходя за рамки словоцентризма, трактовали слово И.А. Бодуэн де Куртенэ [11, с. 40–47, 54–58], Л. Блумфилд [9, с. 146–148], Ш. Балли [8, с. 315–316] и ряд других ученых. Впоследствии во многих направлениях структурализма, особенно в дескриптивизме, слово занимало все меньшее место, что сохранилось и в генеративной лингвисти-

ке, где морфология поглощается синтаксисом. В наши дни иногда вообще ставится под сомнение необходимость использования понятия слова, как и выделения морфологии в качестве отдельной дисциплины [37].

Разное понимание слова отражается, в частности, в определениях слова, о которых здесь специально пойдет речь. До второй половины XIX в. чаще всего слово выступало как неопределяемое понятие, потом его начали определять, но ни одна из дефиниций не стала общепринятой. Существует огромное количество определений слова, их перечень и анализ содержится, например, в работах К. Тоггебу [43], И. Крамского [39, р. 67–72], А. Жюяна и А. Росерика [38]. В нашей стране наиболее подробный обзор определений слова в науке XIX в. и первой половины XX в. содержится в работе И.Е. Аничкова, опубликованной сначала в сокращенном виде [3], а позже (посмертно) полностью [4]. Во всех видах дефиниций слова, так или иначе, отражается либо словоцентризм, либо одна из несловоцентрических концепций.

Определения слова можно разделить на четыре типа, не считая «нулевых» определений, когда ученые осознанно отказываются дефинировать эту единицу. «Нулевой» подход охарактеризовал, например, М.Н. Петерсон: «Удовлетворительного определения слова нет, да едва ли можно его дать; слово – это такое простое понятие, которому нельзя дать логическое определение, а потому приходится удовольствоваться простым указанием или описанием» [23, с. 23–24]. Это – непосредственное выражение словоцентрического подхода, в науке XX в. все же редкое. Чаще приходили к выводу: «Едва ли не правильнее видеть в слове очень сложное понятие, а не простое» [4, с. 221], и стремились дать его то или иное определение.

Первый, наиболее традиционный тип определений слова, давно существовавший, но доживший до наших дней и получивший «второе дыхание», – так называемые комплексные определения, исторически связанные со словоцентризмом. В них слово определяется сразу по целому комплексу признаков. Они могут быть семантическими (семантическая цельность, номинативность, связь с понятием и пр.), синтаксическими (синтаксическая

самостоятельность, вхождение в предложение), морфологическими (цельнооформленность), фонетическими (наличие ударения и др.) и могут комбинироваться различным образом. Считается, что разные области языкознания (лексикология, морфология, синтаксис, иногда и акцентология) изучают одну и ту же единицу языка – слово, хотя в разных аспектах. Например, И.И. Мещанинов определял слово как единую единицу сразу в двух планах: лексическом (семантическом) и синтаксическом [22, с. 37–38]. А.И. Смирницкий выделял два разноплановых определяющих признака слова: идиоматичность (семантический) и цельнооформленность (морфологический) [26, с. 197–199]. Показательны и слова В.Г. Гака: «Значение понятия “Слово” именно в том, что оно объединяет признаки разных аспектов языка: звукового, смыслового, грамматического» [17, с. 466].

Интуитивно комплексные определения слова кажутся разумными, однако как на их основе членить текст на слова? Еще В.В. Виноградов писал, что общие определения слова малосодержательны [15, с. 33]. Даже в пределах одного и того же языка разные аспекты слова не совпадают до конца друг с другом. Это были вынуждены признавать и сами лингвисты, исходившие из комплексных определений. И.И. Мещанинов отмечал, что предлоги сходны со словами с точки зрения синтаксиса, но отличны по семантике [22, с. 37–38], а единицы типа *Красная Армия*, наоборот, семантически не отличаются от слов, отличаясь от них синтаксически [22, с. 43]. А.И. Смирницкий признал, что цельнооформленность и идиоматичность могут не совпадать между собой в обе стороны: *седобородый* обладает цельнооформленностью, но не идиоматичностью, в случае *железная дорога* обратная ситуация. Поэтому он пришел в конечном итоге к выделению слов на основе одной лишь цельнооформленности [26, с. 201–202], фактически отказавшись от комплексности.

Однако и в наши дни этот тип определений существует и даже может не быть жестко связан со словоцентризмом; например, к нему приходит большинство авторов сборника «Word. A Cross-Linguistic Typology». Один из его авторов, например, понимает слово как конвергенцию фонологических, морфологических и

синтаксических свойств [44, р. 94]. Р.М.У. Диксон и А.Ю. Айхенвальд учитывают разные результаты применения фонетических и грамматических признаков, к тому же варьирующихся по языкам, однако считают, что раз они при некоторых различиях чаще совпадают, то мы можем сохранить для всех единиц, обладающих этими признаками, единый термин *слово* [35, р. 46].

Очень последовательно исходит из единства слова И.А. Мельчук. Точнее, он выделяет и последовательно разграничивает две единицы, постоянно разграничиваемые в отечественной традиции после классических работ А.И. Смирницкого [27; 28]: «слово – это либо **словоформа**, либо **лексема**» [21, с. 103]. Но эти единицы различаются не по протяженности, а по степени абстрактности, лексема – множество словоформ [21, с. 98, 320 и др.]. Впрочем, в некоторых периферийных случаях лексема и словоформа могут по границам не совпадать: аналитические формы входят в состав лексем, не являясь словоформами, а образования вроде французского *du* (слияние предлога *de* и артикля *le*), наоборот, являются словоформами, не входящими ни в какую лексему [21, с. 320–321]. Однако оба понятия в норме совпадают по границам и отражают разные стороны традиционного понятия слова. Определения словоформы и лексемы [21, с. 175–176, 329] строятся так, чтобы могли максимально учитываться разные признаки, используемые в лингвистике для выделения слов. Определения оказываются сложными, но сам их автор признает, что, например, его определение лексем может не охватить все реальные случаи [21, с. 333–334].

Таким образом, приходится либо устанавливать иерархию признаков (А.И. Смирницкий), фактически сводя определение к приоритетному признаку, либо выделять некоторый прототип слова, имеющий комплекс признаков, признавая, что реальные слова могут обладать не всеми из них (Р.М.У. Диксон и А.Ю. Айхенвальд, а также В.Г. Гак). В пользу последней точки зрения приводился такой аргумент: «Если какие-то явления, как правило, совпадают, между ними должно быть что-то общее. Это общее и подлечит в данном случае определению» [32, с. 42]. У И.А. Мельчука можно обнаружить то и другое: полная

иерархия признаков (которых много больше, чем два) не устанавливается, но элементы иерархии иногда прямо формулируются (отделимость словоформы весомее, чем переместимость), иногда вытекают из общего подхода (малый вес фонетических признаков). Но еще заметнее у него последовательное стремление к установлению некоторого бесспорного прототипа слова с последующим изучением спорных случаев, при которых действует лишь часть признаков; большое количество таких случаев приходится специально рассматривать по отдельности.

Определения второго типа наиболее многочисленны и разнообразны в лингвистике XX в., тесно связаны с тем или иным несловоцентрическим подходом. И здесь слово признается универсальным понятием, но в отличие от определений первого типа в них его выделение производится по единому признаку. Сами по себе эти признаки могут быть разными: синтаксическими, морфологическими, фонетическими, реже семантическими. К этой группе относятся, например, определение Л. Блумфилда (слово – минимальная единица, способная быть высказыванием) [9, с. 146–148], близкое к нему определение Е.Д. Поливанова [25, с. 144–145] или совсем иное определение слова как неразрывной последовательности морфем у Дж. Гринберга [36, р. 28–31].

Такие дефиниции выгодно отличаются от комплексных определений своей непротиворечивостью и при достаточной строгости могут давать четкий результат. В отличие от определений предыдущего типа они создают условия для соизмеримого описания языков на единой основе. Однако в связи с данными определениями возникают две проблемы. Во-первых, разные определения такого рода могут даже для одного и того же языка давать разные результаты. Например, для японского языка синтаксическое определение слова у Е.Д. Поливанова и морфологическое его определение у И.Ф. Вардуля [14, с. 35] совершенно по-разному проводят границы слова. И здесь постоянно встает вопрос: почему эти разные результаты требуют сохранения одного и того же термина *слово*?

Во-вторых, если определения первого типа ориентируются на традиционное представление о слове, то данные определения

приводят к нетрадиционным результатам. Например, по мнению Е.Д. Поливанова и Л. Блумфилда, служебные слова (по крайней мере, наиболее типичные из них) не будут словами. В концепции Е.Д. Поливанова, примененной к японскому языку, служебным словам закономерно не нашлось места. А Л. Блумфилд, как заметил Дж. Гринберг [36, р. 28], не пользовался своим определением при обращении к английскому языку: реально у него слово в этом языке – не минимальная свободная форма, а последовательность между пробелами в стандартной орфографии [10, с. 187 и др.].

Как правило, при таких определениях не дается обоснования того, почему именно синтаксические или почему именно морфологические критерии берутся как основополагающие. Любопытна корреляция между выбором определения и национальной традицией, в той или иной степени основанной на свойствах ее базового языка: И.Е. Аничков заметил, что англоязычные лингвисты склонны к синтаксическим определениям слова как предельного минимума предложения [4, с. 232]; среди отечественных лингвистов такую точку зрения он зафиксировал лишь у Е.Д. Поливанова. А вот слово как цельнооформленная единица выделяется, по-видимому, лишь в отечественной науке. Здесь можно видеть влияние строя языка с бедной (английский) или богатой (русский) морфологией.

На ограниченность подобных определений обращали внимание самые разные лингвисты [6, с. 11–14; 16, с. 13–15; 24, с. 123–130; 37, р. 36–64; 43, р. 99–107]. Тем не менее едва ли не за каждым таким определением стоит некоторая языковая реальность. Однако реальность эта часто различна. Несовпадение определений наводит на мысль о том, что за ними стоят разные, не всегда совпадающие единицы языка; об этом я уже писал в ряде работ (см., например: [2]).

Третий тип определений совмещает словоцентрический и несловоцентрические подходы, и во многом он стал реакцией на односторонность определений второго типа. Как и в определениях первого типа, здесь также имеется комплекс признаков, однако эти признаки полностью или частично рассматриваются в качестве переменных, по-разному реализующихся в конкретных языках. См. оп-

ределение И. Крамского: «Слово – мельчайшая независимая единица языка, передающая некоторую экстралингвистическую реальность или отношение таких реальностей и характеризующая некоторыми формальными чертами (акустическими, морфемными) актуально... или потенциально» [39, р. 67]. При этом «формальные черты», по И. Крамскому, определяются для каждого языка (или группы типологически близких языков) отдельно; например, для тюркских языков такой чертой будет сингармонизм [39, р. 76–77]. Здесь одновременно выделяются традиционные признаки, описывающие свойства слова, но не позволяющие выделить его в тексте, и переменные для разных языков признаки, не составляющие сущности слова, но позволяющие его выделить. Другие лингвисты отказываются от такой эклектичности и включают в определение слова только признаки второго типа. Например, Ч.Е. Базелл выделяет шесть формальных признаков слова (фонетических, морфологических, синтаксических), указывая, что к разным языкам они применимы в разной степени и слово должно определяться по признаку дополнительности в языках разного типа [7]. Аналогичной была точка зрения Л.В. Щербы, выраженная в известном высказывании: «Что такое “слово”? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия “слово вообще” не существует» [33, с. 175]. Сходную точку зрения высказывал и В. Скаличка [42, р. 16], присутствует она и в книге «Word. A Cross-Linguistic Typology» (см., например: [41, р. 220]). А П.Х. Мэтьюс пишет, что в отличие, например, от слога слово не является универсальным понятием [40, р. 288–289]. Несмотря на явное стремление к комплексности при определении слова, и И.А. Мельчук отчасти согласен с данным подходом: «Невозможно установить систему точных количественных критериев, которые были бы одинаково пригодны для всех языков и всех мыслимых случаев. От языка к языку степень достаточности может меняться» [21, с. 177]. «Понятие словоформы градуально и относительно, то есть зависит от данного языка» [21, с. 238].

Третий тип определений, как и второй, имеет преимущество по сравнению с первым, поскольку здесь предлагаются или могут быть

предложены критерии для членения на слова. По сравнению со вторым типом он в большей степени может сохранять традиционные представления о слове. Но его слабое место было отмечено А.И. Смирницким, спорившим с Л.В. Щербой: «Если “слово” будет совершенно разными единицами в разных языках, то почему вообще эти разные единицы можно называть словом?» [26, с. 183]. Тезис о разном значении термина «слово» в разных языках затрудняет сопоставление их описаний. И, как и в случае определений второго типа, требуются обоснования того, почему столь разные единицы занимают центральное место в «повседневном осмыслении языка». Чаще всего обоснований не бывает.

Наконец, четвертый тип, возможный только при последовательном отказе от словоцентризма, составляют определения, расщепляющие понятие слова на несколько единиц. Сюда относятся определения И.А. Бодуэна де Куртенэ, различавшего «фонетические слова» и «семасиологически-морфологические» слова, и Ш. Балли, который разделил слово на две единицы: семантему и синтаксическую молекулу. Семантема (лексическое слово) – «знак, выражающий чисто лексическое простое или сложное понятие»; синтаксическая молекула (минимальная единица синтаксиса) состоит из семантемы плюс «грамматические знаки», позволяющие ей функционировать в предложении. Во французском языке эти понятия обычно совпадают: *loup* ‘волк’ – сразу то и другое, но латинский язык «топит семантему в молекуле»: *lupus* ‘волк’ – молекула, состоящая из семантемы *lup-* и окончания [8, с. 315–316]. У того же И.Ф. Вардуля в книге «Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супрасинтаксис» [13] слово расщепляется на две единицы: глоссеми (выделяемую по морфологическим критериям) и синтаксеми, представляющую собой сочетание знаменательной глоссеми с примыкающими к ней служебными; именно синтаксеми являются членами предложения. Синтаксема в данном смысле имеет сходство с семасиологически-морфологическими словами у И.А. Бодуэна де Куртенэ, но на И.Ф. Вардуля в данном случае повлияла и японская лингвистика, где две соответствующие единицы (*го* и *бунсэцу*) с 30-х гг. XX в. принято различать.

Особенно последовательно расщепление слова на различные единицы еще более полувека назад провел С.Е. Яхонтов [34]. Согласно ему, за традиционным понятием слова скрывается пять разных по своим свойствам разноплановых единиц: графическое слово (традиционно выделяемое на письме), словарное слово (семантическая единица), фонетическое слово, флективное слово (последовательность, распадающаяся на корневую и формальную часть), цельное слово (минимальная самостоятельная единица).

Подобные определения вовсе не означают обязательного отказа от понятия слова и исключения проблемы слова из лингвистики, в чем, на мой взгляд, необоснованно упрекали Ш. Балли независимо друг от друга И. Крамский [39, р. 9], И.Е. Аничков [4, с. 226] и В.Г. Гак [17, с. 466]. Расщепление понятия и отказ от него – не одно и то же. Однако при таких подходах слово, не отвергаясь совсем, понимается максимально нетрадиционно. Явный разрыв с традицией – пожалуй, главный аргумент против данного типа определений (которые, разумеется, могут быть более или менее удачными). В то же время здесь получают объяснение отмечавшиеся выше несовпадения между разными аспектами слова. Преодолевается и неуниверсальность определений третьего типа (среди выделяемых единиц могут, впрочем, быть и неуниверсальные). Наконец, в отличие от других определений находят место в системе самые различные признаки и свойства, способные использоваться в определениях слова (тогда как при стремлении определить слово по одному признаку остальные могут остаться в тени). В рамках такого подхода возможно и моделирование традиционных представлений о слове, хотя и не достигающее полного совпадения с ними (но такого совпадения не происходит и при других определениях).

В целом можно сказать, что определения лингвистических понятий делятся на два класса. Один класс – уточнение существующих нестрогих понятий, для слова это, например, определения А.И. Смирницкого или И.А. Мельчука. Второй класс – определение понятия исходя из анализа материала без прямой опоры на традицию, слово таким способом определяли И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ш. Балли и др. Но при этом оказывается, что

первые определения дать очень сложно и гарантии совпадения с традицией все равно нет, а вторые определения не могут не проходить осознанную или неосознанную проверку языковой интуицией, которую они часто не выдерживают.

Сама задача определения слова нередко признается невыполнимой. «Уже предложено бесчисленное количество определений слова, которые существенно отличаются друг от друга и редко использовались кем-нибудь, кроме (и то не всегда) самих их авторов... Сама возможность появления приемлемой для большинства лингвистов дефиниции слова представляется, по крайней мере, сейчас, довольно сомнительной» [32, с. 35].

Представляется, что продвинуться в изучении проблемы слова можно, если обратиться к психолингвистическому механизму человека. Здесь косвенные, но очень значимые данные для ее понимания дает изучение речевых расстройств (афазий) и исследование детской речи. При афазиях выходят из строя те или иные участки мозга, вследствие этого «не возникает новых единиц, хотя могут выпадать отдельные звенья исходной системы и нарушаться правила функционирования языковых единиц» [19, с. 102]; изучению этих явлений посвящена обширная литература, начиная с классической книги А.Р. Лурия «Травматическая афазия» [20]. Если при афазиях теряются те или иные компоненты речевого механизма, то у детей этот механизм постепенно формируется. Этому формированию также посвящена немалая литература (см., в частности: [29; 30]).

Все эти исследования подтверждают центральную роль слова в порождении речи. Такой вывод сделал еще А.Р. Лурия: «Основным динамическим единством нормальных артикуляторных процессов является слово» [20, с. 84]. В наше время к подобным выводам приходит и Т.В. Черниговская: «Можно говорить о “слоях”, составляющих язык: это *лексикон* – сложно и по разным принципам организованные списки лексем, словоформ и т. д.; *вычислительные процедуры*, обеспечивающие грамматику (морфологию, синтаксис, семантику и фонологию), механизмы членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматика» [31, с. 631], то есть в че-

ловеческом мозгу в готовом виде хранятся некоторые исходные словоформы, единые и неразрывные независимо от возможности их членения на морфемы; неисходные словоформы образуются от исходных. И это именно словоформы, которые могут быть и неоднородны по своим лингвистическим свойствам. А, например, отдельный уровень морфем (как, вероятно, и уровень словосочетаний) не выделяется: ни при каких видах афазий больные не оперируют морфемами, а способность делить слово на значимые части, несомненно, существующая у здоровых носителей языка (без нее нельзя было бы образовать новые слова путем деривации или композиции), быстро исчезает при афазиях.

Данные афазий и детской речи показывают, что в мозгу имеются, по крайней мере, три механизма: хранения единиц (лексический механизм), сочетания единиц (синтаксический механизм) и преобразования базовых единиц в небазовые (морфологический механизм); последний свойствен разным языкам от русского до японского, но его существование, вероятно, свойственно не всем языкам, в отличие от двух других механизмов. В частности, в современном английском языке он сильно выветрен и в полной мере касается лишь образования неправильных глаголов (возможно, поэтому англоязычная лингвистика сейчас обычно ставит слово в подчиненное положение по сравнению с морфемой). При формировании языка у детей (как и, по мнению ряда исследователей, при появлении в прошлом человеческого языка) «модификация знака путем добавления к нему другого знака порождает синтаксис»; «модификация же знака путем изменения или добавления к нему элементов, не являющихся отдельными знаками, порождает морфологию» [12, с. 373]. Агглютинативные элементы и, по-видимому, некоторые флективные (что показывает пример японского языка) возникают путем добавления к знаку (первичной единице) элементов, не являющихся отдельными знаками; флексии древнегреческого, латинского, русского и отчасти японского языков возникают путем изменения знака.

Строго лингвистическое определение слова, которое полностью бы совпадало с традицией, по-видимому, невозможно: традиция не

строго последовательна и стремится к комплексному пониманию слова. Но из этого не вытекает отказ от понятия слова, которое, скорее, надо понимать как психолингвистическое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.
2. Алпатов, В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке / В. М. Алпатов. – М. : Наука, 1979. – 150 с.
3. Аничков, И. Е. Об определении слова / И. Е. Аничков // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М. ; Л. : Наука, 1963. – С. 146–159.
4. Аничков, И. Е. Труды по языкознанию / И. Е. Аничков. – СПб. : Наука, 1997. – 511 с.
5. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. – 362 с.
6. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 304 с.
7. Базелл, Ч. Е. Лингвистическая типология / Ч. Е. Базелл // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972. – С. 15–30.
8. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
9. Блумфилд, Л. Ряд постулатов для науки о языке / Л. Блумфилд // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М. : Учпедгиз, 1960. – Ч. II. – С. 144–152.
10. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 606 с.
11. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Введение в языковедение. С приложением «Сборник задач по “Введению в языковедение”» / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : УРСС, 2004. – 316 с.
12. Бурлак, С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М. : Астрель, 2011. – 464 с.
13. Вардуль, И. Ф. Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супрасинтаксис / И. Ф. Вардуль. – М. : Вост. лит., 1977. – 354 с.
14. Вардуль, И. Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка / И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1964. – 148 с.
15. Виноградов, В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 33–50.
16. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.

17. Гак, В. Г. Слово / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 464–467.
18. Дурново, Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины) / Н. Н. Дурново. – М. ; Пг. : Изд. Л.Д. Френкель, 1924. – 154 стб.
19. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич // Труды по языкознанию. – СПб. : СПбГУ, 2006. – С. 11–238.
20. Лурья, А. Р. Травматическая афазия / А. Р. Лурья. – М. : АМН СССР, 1947. – 367 с.
21. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии. Т. I : Слово / И. А. Мельчук. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 392 с.
22. Мещанинов, И. И. Проблемы развития языка / И. И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1975. – 352 с.
23. Петерсон, М. Н. Русский язык / М. Н. Петерсон. – М. ; Л. : Госиздат, 1925. – 123 с.
24. Пешковский, А. М. Понятие отдельного слова / А. М. Пешковский // Сборник статей по языкознанию. – М. : Госиздат, 1925. – С. 122–140.
25. Плетнер, О. В. Грамматика японского разговорного языка / О. В. Плетнер, Е. Д. Поливанов. – М. : Моск. ин-т востоковедения, 1930. – 234 с.
26. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова») / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. – М. : АН СССР, 1952. – С. 182–203.
27. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») / А. И. Смирницкий // Труды Института языкознания АН СССР. – 1954. – Т. 4. – С. 4–49.
28. Смирницкий, А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. К 60-летию академика В.В. Виноградова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – С. 11–53.
29. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – 592 с.
30. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
31. Черниговская, Т. В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающая сеть? / Т. В. Черниговская // Научные сессии общих собраний Российской академии наук. 2002–2009. – М. : РАН, 2010. – С. 629–636.
32. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
33. Щерба, Л. В. Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Известия Академии наук Союза ССР. Отделение литературы и языка. – 1945. – Т. IV, вып. 5. – С. 173–186.
34. Яхонтов, С. Е. О значении термина «слово» / С. Е. Яхонтов // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 165–173.
35. Dixon, R. M. W. Word: A Typological Framework / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald // Word. A Cross-Linguistic Typology / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). – Cambridge: University Press, 2003. – P. 16–56.
36. Greenberg, J. H. Essays in Linguistics / J. H. Greenberg. – Chicago: Chicago University Press, 1957. – 108 p.
37. Haspelmath, M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax / M. Haspelmath // Folia Linguistica. – 2011. – Vol. 45, № 1. – P. 31–80.
38. Juillard, A. The Linguistic Concept of Word. Analytic Bibliography / A. Juillard, A. Roceric. – The Hague; Paris: Mouton, 1972. – 118 p.
39. Krámský, J. The Word as a Linguistic Unit / J. Krámský. – The Hague; Paris: Mouton, 1969. – 82 p.
40. Matthews, P. H. What Can We Conclude? / P. H. Matthews // Word. A Cross-Linguistic Typology / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). – Cambridge: University Press, 2003. – P. 281–295.
41. Olawsky, K. J. What is a Word in Dagbani? / K. J. Olawsky // Word. A Cross-Linguistic Typology / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). – Cambridge: University Press, 2003. – P. 220–241.
42. Skalička, V. Komplexnost jazykových jednotek / V. Skalička // Universitas Carolina. Philologica. – 1957. – Vol. 3, № 1. – P. 15–25.
43. Togeby, K. Qu'est qu'un mot? / K. Togeby // Travaux du cercle linguistique de Copenhague. – 1949. – Vol. V. – P. 97–111.
44. Woodbury, A. C. The Word in Cup'ik / A. C. Woodbury // Word. A Cross-Linguistic Typology / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. – Cambridge: University Press, 2003. – P. 94–114.

REFERENCES

1. Alpatov V.M. Ob antropotsentrichnom i sistemotsentrichnom podkhodakh k yazyku [On Anthropocentric and Systemocentric Approaches to Language]. *Voprosy yazykoznanija*, 1993, no. 3, pp. 15–26.
2. Alpatov V.M. *Struktura grammaticheskikh edinits v sovremennom yaponskom yazyke* [Structure of Grammatical Units in Modern Japanese]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 150 p.
3. Anichkov I.E. Ob opredelenii slova [On Defining the Word]. *Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov* [Morphological Structure of the Word in the Languages of Various Types]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1963, pp. 146–159.

4. Anichkov I.E. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 511 p.
5. Freydenberg O.M., ed. *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient Theories of Language and Style]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz, 1936. 362 p.
6. Apresyan Yu.D. *Idei i metody sovremennoy strukturnoy lingvistiki* [Concepts and Methods in Modern Structural Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1966. 304 p.
7. Bazell Ch.E. *Lingvisticheskaya tipologiya* [Linguistic Typology]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of Typological Analysis of Languages With Different Structural Organization]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 15-30.
8. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and the French Language Issues]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1955. 416 p.
9. Blumfeld L. *Ryad postulatov dlya nauki o yazyke* [Postulates of the Language Science]. *Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics in the 19-20th cent.: Essays and Extracts]. Moscow, Uchpedgiz, 1960, part II, pp. 144-152.
10. Blumfeld L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress Publ., 1968. 606 p.
11. Boduen de Kurtene I.A. *Vvedenie v yazykovedenie. S prulozheniem "Sbornik zadach po 'Vvedeniyu v yazykovedenie'"* [Introduction to Linguistics. Collection of Assignments to "Introduction to Linguistics"]. Moscow, URSS Publ., 2004. 316 p.
12. Burlak S. *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [On the Language Origin. Facts, Studies, Hypotheses]. Moscow, Astrel Publ., 2011. 464 p.
13. Vardul I.F. *Osnovy opisatelnoy lingvistiki. Sintaksis i suprasintaksis* [Basics of Descriptive Linguistics. Syntax and Supersyntax]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1977. 354 p.
14. Vardul I.F. *Ocherki potentsialnogo sintaksisa yaponskogo yazyka* [Essays on Potential Syntax of the Japanese Language]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 148 p.
15. Vinogradov V.V. *O formakh slova* [On the Word Forms]. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies on Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 33-50.
16. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk* [Russian Language]. 2nd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.
17. Gak V.G. *Slovo* [The Word]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1990, pp. 464-467.
18. Durnovo N.N. *Grammaticheskiy slovar (grammaticheskie i lingvisticheskie terminy)* [Grammar Dictionary (Grammatical and Linguistic Terminology)]. Moscow, Praga, Izd. L.D. Frenkel, 1924. 154 col.
19. Kasevich V.B. *Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniiya* [Phonological Issues on General and Eastern Linguistics]. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2006, pp. 11-238.
20. Luriya A.R. *Travmaticheskaya afaziya* [Traumatic Aphasia]. Moscow, AMN SSSR Publ., 1947. 367 p.
21. Melchuk I.A. *Kurs obshchey morfologii. T. I. Slovo* [The Course of General Morphology. Vol. 1. Word]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1997. 392 p.
22. Meshchaninov I.I. *Problemy razvitiya yazyka* [Issues of Language Development]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 352 p.
23. Peterson M.N. *Russkiy yazyk* [Russian Language]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1925. 123 p.
24. Peshkovskiy A.M. *Ponyatie otdelnogo slova* [The Notion of a Separate Word]. *Sbornik statey po yazykoznaniiyu* [Collection of Works on Linguistics]. Moscow, Gosizdat, 1925, pp. 122-140.
25. Pletner O.V., Polivanov E.D. *Grammatika yaponskogo razgovornogo yazyka* [Grammar of the Japanese Colloquial Language]. Moscow, Mosk. in-t vostokovedeniya Publ., 1930. 234 p.
26. Smirnitkiy A.I. *K voprosu o slove (problema "otdelnosti slova")* [On the Issue of the Word (a Single Word Problem)]. *Voprosy teorii i istorii yazyka v svete trudov I.V. Stalina po yazykoznaniiyu* [On Theoretical and Historical Issues of the Language Reflected in the Works on Linguistics by I.V. Stalin]. Moscow, AN SSSR Publ., 1952, pp. 182-203.
27. Smirnitkiy A.I. *K voprosu o slove (problema "tozhdestva slova")* [On the Issue of the Word (Word Equivalence Problem)]. *Trudy Instituta yzkoznaniya AN SSSR*, 1954, vol. 4, pp. 4-49.
28. Smirnitkiy A.I. *Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove* [Lexical and Grammatical Features of the Word]. *Voprosy grammaticheskogo stroya. K 60-letiyu akademika V.V. Vinogradova* [Grammatical Structure Issues. In Commemoration of the 60th Birthday of Academician V.V. Vinogradov]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955, pp. 11-53.
29. Tseytlin S.N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on Word Formation and Form Building in the Child Speech]. Moscow, Znak Publ., 2009. 592 p.
30. Tseytlin S.N. *Yazyk i rebenok: lingvistika detskoj rechi* [Language and the Child: Linguistics of the Child Speech]. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 240 p.
31. Chernigovskaya T.V. *Mozg i yazyk: vrozhdennye moduli ili obuchayushchaya set?* [Brains and Language: Inborn Modules or Learning Net]. *Nauchnye sessii obshchikh sobraniy Rossiyskoy akademii nauk. 2002-2009* [Russian Academy of Sciences: Science Sessions of Regional Assemblies. 2002-2009]. Moscow, RAN Publ., 2010, pp. 629-636.

32. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Semantic Analysis of Lexis as a Linguistic Issue]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 280 p.
33. Shcherba L.V. Ocherednye problemy yazykovedeniya [Next Problems of Linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk Soyuzo SSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 1945, vol. IV, iss. 5, pp. 173-186.
34. Yakhontov S.E. O znachenii termina "slovo" [On the Meaning of the Term "Word"]. *Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov* [Morphological Structure of the Word in the Languages of Various Types]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963, pp. 165-173.
35. Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. Word: a Typological Framework. Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y., ed. *Word. A Cross-Linguistic Typology*. Cambridge, University Press, 2003, pp. 16-56.
36. Greenberg J.H. *Essays in Linguistics*. Chicago, Chicago University Press, 1957. 108 p.
37. Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax. *Folia Linguistica*, 2011, vol. 45, no. 1, pp. 31-80.
38. Juilland A., Roceric A. *The Linguistic Concept of Word. Analytic Bibliography*. The Hague, Paris, Mouton, 1972. 118 p.
39. Krámský J. *The Word as a Linguistic Unit*. The Hague, Paris, Mouton, 1969. 82 p.
40. Matthews P.H. What Can We Conclude? *Word. A Cross-Linguistic Typology*. Ed. by R.M.W. Dixon, Alexandra Y. Aikhenvald. Cambridge, University Press, 2003, pp. 281-295.
41. Olawsky K.J. What is a Word in Dagbani? Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y., ed. *Word. A Cross-Linguistic Typology*. Cambridge, University Press, 2003, pp. 220-241.
42. Skalička V. *Komplexnost jazykových jednotek* [Complex Character of the Language Units]. *Universitas Carolina. Philologica*, 1957, vol. 3, no. 1, pp. 15-25.
43. Togeby K. *Qu'est qu'un mot?* [What is a Word?]. *Travaux du cercle linguistique de Copenhague* [The Works of Copenhagen Linguistic Group], 1949, vol. V, pp. 97-111.
44. Woodbury A.C. The Word in Cup'ik. Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y., ed. *A Cross-Linguistic Typology*. Cambridge, University Press, 2003, pp. 94-114.

ABOUT DEFINITIONS OF THE WORD

Vladimir Mikhaylovich Alpatov

Doctor of Philological Sciences,
Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Head of the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences)
v-alpatov@ivran.ru
B. Kislovskiy Lane, 1, build. 1, 125009 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the word as a basic notion in the history of linguistics and the theory of modern linguistics. It is stated that the word used to be a central unit of the language in European tradition, but then it didn't require any definition and was singled out on the basis of linguistic intuition. However, since the end of the 19th cen. many attempts to reveal structural features of the word as a science notion have been undertaken. It resulted in numerous definitions of the word which differ in the aspects of consideration. The author offers the analysis of the definitions of the term 'word' that vary in the dominance of phonetic, morphological, syntactical, graphical indications and their hierarchy that is explained by differences between languages (Russian, Romanic, German, Japanese in particular). There exists both complex definitions of the word, which unite some indications, and single feature definitions. In some case various aspectual character of the word is highlighted, thus the word is viewed as a lexical unit, as a morphological form, as a graphic sign. Unfavorably, these definitions can not fully define the notion that may be equally reflected in the majority of words, they do not point to the central function of the unit for language users. The author puts forward the following idea: the word should not be referred to a structural element of the language; it is a language unit that is preserved in human brains and performs a leading role in speech production. This role is proved by the data on aphasia and child's speech.

Key words: word, word form, definition, linguistic tradition, grammar indication, lexical and semantic indication, differently structured languages.